

БОГИ ВОЙНЫ

Младшему лейтенанту Сане Малешкину приказали спрятаться где-нибудь и не отвечивать. Он так и сделал — спрятался где-нибудь и не отвечивал. А потом решил на всякий случай еще и не возникать.

Когда Саня вдруг понадобился, комбат долго не мог до него докричаться.

— Оляха, Оляха, я Сосна! Да куда же ты запропастился, посмертный герой, мать твою за ногу...

Малешкин не отзывался. Ему все это надоело.

Но только вчера, когда взбесились танкисты, Саня понял, кому надоело по-настоящему. А нынче, словно в ответ на их дикую выходку, настало затишье. Врага не видно, куда двигаться — непонятно. Впервые за войну.

Оставалось сидеть и ждать, чего дальше будет.

Вдруг все без толку, и кошмар начнется по новой?

Или случится какой-нибудь окончательный, последний кошмар...

Вчера, двадцать второго июня две тысячи десятого года, усиленная танковая рота полковника Дея пошла в наступление. «Тридцатьчетверки» взревели и лихо рванули вперед. Первый взвод, назначенный в разведку боем, наткнулся на встречную разведку немцев, проскочил сквозь нее без единого выстрела, ловко увернулся от артиллерийского залпа в борт, выскочил на вражескую базу и принялся по ней кататься, закладывая крутые виражи, паля во все стороны и даже иногда в кого-то попадая. Второй и третий взводы поначалу

действовали согласно намеченному плану на асимметричный охват противника, но вдруг заскучали. Через пару минут выяснилось, что воевать некому: все разбежались по кустам ловить немецкую артиллерию, нимало не заботясь общей задачей атаки. И только приданная роте батарея СУ-100 лейтенанта Беззубцева повела себя более-менее разумно. Оценив обстановку, комбат счел за лучшее рассредоточиться и затаиться вокруг своей базы, а то мало ли. Вдруг кто приедет.

Рассредоточиться у самоходов вышло, затаиться — нет. Машина Теленкова просто не двинулась с места, делая вид, что ее все это не касается. Зимин уполз за ближайший куст и там пропал. Чегничка то и дело ерзал, говоря, что здесь он плохо замаскирован, а вон там будет гораздо лучше, а вон там еще лучше. Когда он проехал мимо комбата в пятый раз, тот крикнул, что у него сейчас голова закружится. Малешкин, у которого действительно начала кружиться голова, нашел удобный тупичок, загнал в него «зверобоя» задом, сказал наводчику поставить пушку на прямой и, если враг за каким-то чертом сунется — убивать, а сам сполз на пол, приткнулся в углу и закрыл глаза.

Посреди карты стоял одинокий КВ полковника Дея. Мимо него туда-сюда носились ошалевшие немцы.

Управление боем было безнадежно потеряно.

А сегодня вдруг не случилось боя.

Пока что.

* * *

— Оляха, Оляха, я Сосна!

— Ну чего он мне сделает? — спросил Малешкин у серой темноты бронекорпуса. — Ну вот чего он мне сделает?..

— Да ничего, — отозвалась темнота голосом заряжающего Бянкина. — Но вообще... Нехорошо так, лейтенант. Люди беспокоятся.

— Люди... Здесь людей нет, — сказал наводчик Домешек. — Я, например, не встречал.

— А мы?! — удивился Бянкин.

— Так то мы. Тебя хотя бы потрогать можно. А вот, например, комбат, это какая-то ерунда, данная нам в ощущениях. Бесплотный дух, бубнящий на радиоволне.

— Мы же его видели!

— Мало ли чего мы тут видели...

— Дурак ты, Мишка, — сказал Бянкин.

— Не отрицаю, — легко согласился Домешек. — Был бы умный, пил бы сейчас холодное пиво на Дерibasовской, а не загибался тут с вами.

— Будто от тебя зависело что.

— Тоже верно, — опять согласился Домешек. — С тех пор, как началась война, ничего уже от меня не зависело. — Подумал и добавил: — А вот с тех пор, как меня убило... Хм... Кое-что зависит. Удивительный парадокс. Я вам сейчас по этому поводу расскажу один старый еврейский анекдот!..

— Оляха!!! Я Сосна!!! — надрывался комбат.

«Еще немного, и у меня уши завянут», — решил Малешкин и нажал клавишу приема.

— Сосна, я Оляха.

Несколько мгновений комбат просто тяжело дышал у него в наушниках, а затем подчеркнуто ласково осведомился:

— Что с вами, Сан Саныч? Опять воевать надоело?

— Жить надоело, — честно ответил Малешкин. — Не могу больше. Устал. Прием.

— Ты мне это брось, посмертный герой, — сказал Беззубцев. — Ух, напугал. Я уже хотел подъехать и тебя подтолкнуть немного, чтобы очнулся. Видишь кого-нибудь?.. Прием.

— Никого. Только наших. Прием.

— Вот и никто не видит. Короче, старший приказал стоять пока. Ясно? Прием.

— Да я и так стою! Хорошо стою. Они мимо пойдут, им больше некуда сунуться...

Малешкин выпалил это машинально и тут вспомнил, что ему надоело воевать и надоело жить. Оборвал себя на полуслове и сухо закончил:

— Прием.

— Ну, они тоже не дураки, — сказал комбат. — Где узкое место, там и будут ждать засады. Поэтому ты не увлекайся. Если сможешь, выпусти одного-двух на меня, прибеи следующего и уходи на запасную, пока не накрыли. Вдруг у них опять в тылу гаубицы. Положат тебе снаряд на крышу...

— Не хочу! — вырвалось у Малешкина. — Хватит!

— Что?.. Чего?

— Вас понял, — сквозь зубы процедил Малешкин и отключился.

— Не дури, Сан Саныч, — миролюбиво попросил комбат. — Стой и жди.

Малешкин выдернул фишку переговорного устройства из гнезда.

— Сам видишь, новая карта, — сказал комбат. — И противник как сквозь землю провалился. Не время сейчас дурить. Что угодно может случиться. Ты же сам этого больше всех хотел! Очень тебя прошу...

Малешкин сорвал с головы шлемофон и не глядя уронил его под ноги. Здесь это было можно. Пол в машине чистенький, и весь мир вокруг чистенький, и сам ты словно только из бани. Малешкин здесь набрался привычек, невысказанных в обычной самоходной жизни.

Люк над головой сам распахнулся и встал на стопор, едва Малешкин его толкнул. Саня высунулся наружу и посмотрел назад. Там все было как обычно: на корме машины сидел маленький солдатик-пехотинец в большой, не по роту, шинели и вел наблюдение за тылом.

В тылу были холмы, и посматривать туда стоило. Саня по опыту знал, что там ничего нет, там конец света, край земли. И маленький солдатик это понимал. Но сейчас роту выбросило на незнакомую карту, и правильно комбат говорит: что угодно может случиться. Внезапный прорыв немцев из-за границы карты, например. Удар с воздуха, которого еще ни разу не было и не предвидится, но когда-то он ведь должен быть. Пускай тебе сто раз жить надоело, умирать все равно больно.

— Громыхало! — позвал Саня. — Вверх поглядывай.

— Птицы не летают, — сказал Громыхало, не оборачиваясь.

— И чего? — удивился Саня. — Они тут никогда не летают.

Из соседнего люка выбрался Домешек, уселся на броню и сказал:

— Не нравится мне все это, лейтенант. Что-то будет. Возможно, мы допрыгались. Громыхало! Следи за воздухом.

— Птицы не летают, — повторил Громыхало. — Значит, и самолеты не полетят.

— Ишь ты, философ, — сказал Домешек. — Здесь еще грузовики не ездят. И люди не ходят.

Громыхало чуть повернулся внутри шинели, которую надел внакидку, и уставился на наводчика. Остроносый, с маленькими глазками, он в своем несуразно большом обмундировании да еще при здоровенном ППШ смотрелся бы донельзя смешно, когда бы все вокруг не было так грустно.

— Я хожу, — сказал Громыхало.

Малешкин и Домешек переглянулись.

— Давно? — спросил наводчик.

— Покажи! — потребовал Саня.

Громыхало выбрался из шинели, подхватил автомат, легко боком сполз с машины и отошел на несколько шагов в сторону.

Малешкин аж поперхнулся, ему вдруг захотелось крикнуть: «Назад!» — и он едва удержал себя.

Домешек глядел на солдата во все глаза и молчал.

Саня нагнулся в машину и крикнул:

— Ребята! Сюда! Громыхало ходить может!

— Ну и пускай идет... Куда подальше, — донеслось из носового отсека. — Надоели вы мне хуже горькой редьки с вашими выкрутасами... Верно Мишка говорит: допрыгались мы! Вот как вломят нам за вчерашнее...

— Совсем ты упал духом, Щербак, — сказал Саня. — Смотри, все самое интересное пропустишь.

Наверх высунулся Бянкин. Поглядел на Громыхало и спросил:

— И чего нам с этого толку?

— Не знаю пока, — напряженно сказал Саня. — Мишка, можешь слезть?

— Не могу, — сказал Домешек, не отрывая глаз от солдата. — Боюсь.

— Вот и мне как-то... Боязно.

Громыхало отошел еще на несколько шагов, попробовал ковырнуть сапогом почву — не получилось. Было очень странно видеть, как он ходит по траве, не приминая ни травинки.